

УДК [39-055. 2+316.2-055.2](476)“19/20”

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ЗАНЯТОСТИ СЕЛЬСКОЙ ЖЕНЩИНЫ
В ОБЩЕСТВЕННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ В БЕЛАРУСИ В XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА****И.И. ЛАВРИНОВСКАЯ***(Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы НАН Беларуси, Минск)*

Рассматривается трансформация профессиональной занятости сельских женщин в Беларуси в XX – начале XXI века. Исследование выполнено на основе обширного фактического материала – архивных документов Национального архива Республики Беларусь, Государственного архива общественных объединений Гомельской области; статистических данных; данных опроса женщин, проживающих в сельских населённых пунктах Гомельской, Гродненской, Витебской и Могилёвской областей, проведённого автором в 2009 – 2010 годах и др. Проанализированы изменения, произошедшие в занятости сельских женщин в Беларуси в дореволюционный, советский и постсоветский периоды. Показаны основные тенденции, характерные для женской занятости в Беларуси в сельском хозяйстве и других отраслях экономики. Выделяются факторы, повлиявшие на процесс трансформации профессиональной занятости сельчанок.

Специфика общественных отношений, характерная для того или иного социума в определенный отрезок времени, получает четкое проявление в принятой модели взаимодействия полов. В связи с этим представляет научный интерес рассмотрение проблемы трансформации профессиональной занятости сельской женщины в Беларуси. Изучение культурно-обусловленных территориальных особенностей гендерной сегрегации в области профессиональной и иных видов деятельности имеет практическое значение, поскольку учет такой специфики необходим в целях повышения эффективности региональной социальной политики, особенно в области решения проблем материнства, демографии и труда. Несмотря на то, что отечественные учёные (этнографы, историки, социологи, демографы) не раз касались в своих работах проблем женской занятости, проблема трансформации занятости сельской женщины в производстве в Беларуси в XX – начале XXI века не получила в историко-этнографической науке должной оценки.

Цель данного исследования – изучение изменений, произошедших в профессиональной занятости сельских женщин Беларуси в XX – начале XXI века. Основными источниками послужили архивные документы Национального архива Республики Беларусь, а также Государственного архива общественных объединений Гомельской области, статистические материалы, данные опроса сельских женщин (221 чел.) Беларуси (Гомельской, Гродненской, Витебской и Могилёвской обл.), проведенного автором в 2009 – 2010 гг.

Основная часть. В традиционном белорусском обществе начала XX века занятость крестьянки, как правило, ограничивалась внутрисемейной загруженностью. Несмотря на то, что в остальных европейских российских губерниях, особенно в промышленном центре Российской империи, в данное время широко распространяется отходничество, среди белорусских крестьянок оно не было столь характерным, что было связано со слабым развитием промышленности в городах, наличием черты еврейской оседлости, следствием которой была безработица среди горожан-евреев, и нетрадиционность этого вида заработков среди бывших помещичьих крестьян, которых в белорусских губерниях было большинство. О несвойственности распространения отхожих промыслов, а также побочных заработков для сельского населения пишет, например, И.А. Сербов: «отхожими промыслами сакуны не занимаются. Нанять прислугу у них почти невозможно. Девушка ни за какие деньги не пойдет служить, считая для себя это великим позором» [1, с. 48].

Значительные изменения происходят в советский период. В соответствии с концепцией большевиков, равенство мужчин и женщин должно было быть не только гражданским (равенство перед судом, право избирать и быть избранными), но и социальным (равенство в уровне и образе жизни, возможностях проведения досуга). По мысли марксистских теоретиков, женщина должна была включиться в общественное производство наравне с мужчиной и таким образом освободиться от «домашнего рабства».

В архивных документах в первой половине 1920-х годов активно обсуждается вопрос о вовлечении крестьянок в общественное производство, предлагалось использовать труд крестьянок в птицеводстве, молочном хозяйстве, льноводстве, в съемке личинок червей на поле, уничтожении кубышек саранчи на основе кооперирования крестьянок и создания женских артелей [2, л. 35; 3, л. 5; 4, л. 9, 45]. Однако, как показывает архивный материал, особых успехов данные мероприятия не имели [5, л. 7; 6, л. 2, 5].

В 1925 – 1929 годах в стране значительно возросла потребность в дополнительной рабочей силе, поэтому женщины, в том числе из сельской местности, стали активнее вовлекаться в общественное производство. Особенно активно крестьянки стали привлекаться в производство с началом коллективизации (XV съезд ВКП (б), 1927, ноябрь 1929 года – форсированная коллективизация). Отношение сельских женщин к коллективизации и колхозам часто было негативным. В документах отмечалось, что вся рабо-

та проходила в условиях классовой борьбы. По мнению крестьянок, особенно зажиточных, в колхозы шли лодыри и лентяи, которые ленились работать. Не только зажиточные, но и бедняки, часто отказывались идти в колхоз [6, л. 21]. В отчёте о работе ЦК КПБ (Б) за 1930 год отмечалось, что «в работе с женщинами в сельской местности есть как большие недостатки, так и прорывы. Имеют место в районах, деревнях явно открытые выступления женщин против политики советской власти». Причины данной враждебности со стороны женщин объяснялись «обработкой» женщин «чуждыми, вражескими элементами» [7, л. 201]. Партийное руководство видело в этом вину местных партийных организаций, которые недостаточно внимания уделяли работе с женским населением, поэтому крестьянки попадали под влияние кулаческой агитации [8, л. 73, 194; 9].

В соответствии с решениями XIV съезда ВКП(б) июне – июле 1930 года, советские массовые организации, в том числе делегатские собрания, должны были осуществить поворот «лицом к производству» [9, л. 199]. Съезды делегатов, которые приурочивались, как правило, к праздникам, посвящались производственным вопросам, животноводству, льноволокно и т.п. Создавались бригады по уходу за скотом, по удою молока, по картофелю, ударные бригады по подготовке всех видов технического труда, по сбору утильсырья. На съездах обсуждались дальнейшие планы работы, распределялись трудовые, подводились итоги, чествовали ударников и передовиков производства [6, л. 4 – 6; 10, л. 17]. На делегатских собраниях стали проводиться различные практические мероприятия. Например, на 8 марта 1930 года делегатки колхоза «Житница» Лукомского сельсовета выехали в лес, заявивши, что «нужно ликвидировать прорыв по лесозаготовкам – мужчин у нас мало, нужно и женщинам выехать в лес» [6, л. 21]. Перед началом прополочной или уборочной кампании в ряде районов проводились специальные курсы и слёты для женщин-колхозниц: семидневные курсы льнотеребильщиц, трёхдневные курсы льнотрепальщиц, пятидневные курсы бригадиров, курсы сушильщиц, мяльщиц, теребильщиц, курсы пахарей, трактористов и т.п. Привлекали опытных льноводов, организовывались районные конференции, во время которых проводились пробные уроки на скорость и качество прополки льна [10, л. 31; 11, л. 127].

В колхозах женщины выходили на работу, когда ещё было темно и работали до темна. Усложняло работу то, что во многих районах не было детских дошкольных учреждений [11, л. 16; 12, л. 53]. Фотографии прогульщиков, тех, кто не выполнил нормы, вывешивали на доску, печатали в стенгазете [11, л. 17]. Крестьянки привлекались на тяжёлые «мужские» работы. По мнению советских идеологов, для того чтобы поднять авторитет крестьянки, нужно, чтобы она овладела «мужскими» профессиями. Так, например, в отчёте женотдела ЦК КП(б)Б за январь – август 1925 года говорилось: «... мужчины ещё долго не будут верить в крестьянку как в общественную силу, поэтому нужно на фактах доказать, что баба тоже умеет работать» [13, л. 142 – 143; 14, л. 78]. При этом показательными были колхозы, в которых женщины занимались данными «мужскими работами». Так, в колхозе «Калинина» Рогачёвского района много женщин сеяло картофель под плуг, втроем засеяли гектар картофеля. В Пуховическом районе 9 женщин работали трактористками, 2 женщины-пахари, в Прудинском – 2 женщины-конюхи [11, л. 70]. «Отстающими» считались те колхозы, в которых женщины назначались на «второстепенные работы». Например, в документе за 1932 год говорилось, что в ряде колхозов Дрисенского района женщины назначались чаще на второстепенные работы (разбивка, вывоз гноя, переработка и посадка картофеля и т.п.), реже на ведущие работы – пахарей, конюхов, трактористов, в чём проявлялась «недооценка роли женщины в сельском хозяйстве» [11, л. 31].

Согласно переписи 1939 года в БССР среди трактористов было 7,6 % (1 109 чел.) женщин; комбайнёрами и штурвальщиками на комбайнах – 26,7 % (209 чел.); машинистами и рабочими на сельскохозяйственных машинах – 1,3 % (9 чел.); скотниками, конюхами и доярками – 40,6 % (42 815 чел.); садовниками, огородниками – 30,5 % (460 чел.) [15, с. 199].

Сельчанки, живущие недалеко от городов и местечек, привлекались на работу на близлежащие предприятия. Однако соответствующие условия для работы не всегда были созданы, в частности, часто в сельской местности отсутствовали ясли и детские сады или их количество было недостаточным, чтобы обеспечить нужды работающих женщин. В детских учреждениях на предприятиях также имелись определённые недостатки. Нередко они открывались в помещениях, непригодных для данных нужд, график работы не всегда совпадал с графиком работающих матерей. Поэтому большинство сельских женщин вынуждено оставлять детей дома без присмотра [16, л. 106 – 107]. Из-за отсутствия детских учреждений, внутрисемейной загруженности крестьянок, а также, можно предположить, в связи с тем, что для многих женщин работа на производстве была, как правило, новым явлением и не всегда воспринималась как что-то важное и нужное, ведь как уже указывалось выше, отходничество не было широко распространено в Беларуси. В архивных документах 1920 – 1930-х годов зафиксировано достаточно высокое количество увольнений, прогулов, частые декретные отпуска среди сельчанок. «Работницы из деревень фабрики “Двина” смотрят на отпуск по беременности как на средство заработать, поправить свои дела, когда рождением ребёнка они совершенно не заинтересованы» – отмечалось в материалах обследования работы на предприятиях за 1928 – 1929 годы. «Такие работницы почти каждые год – полтора года беременеют с тем, чтобы получить отпуск и не работать. При этом у других работниц наблюдается злобное отношение к уходящим в отпуск по беременности. Одна работница, к примеру, очень возмущалась, что другая, проработав на фабрике пару меся-

цев, ушла в декрет, а остальные за неё обязаны в страхкаассу платить» [17, л. 15]. На швейной фабрике «Знамя индустриализации» в Витебске, где основной массой работниц были женщины из деревень, с 1 декабря до сентября 1932 года с фабрики убыло 59 % работниц. При этом среди причин увольнения преобладает самовольный уход с работы (51 %) [17, л. 19]. В связи с этим, как свидетельствуют архивные данные, некоторые работодатели под разными предлогами не принимали на работу женщин с детьми [18, л. 27]. Среди школьных работников в 1920-е годы в сельской местности преобладали мужчины (табл. 1).

Таблица 1

Численность школьных работников в полных семилетних школах по уездам Беларуси в 1918 – 1923 годах

Годы	1918 – 1919	1919 – 1920	1920 – 1921	1923
Количество женщин	32	34	64	128
Количество мужчин	57	67	94	218

Примечание. Источник: [19, л. 18, 20, л. 2].

Среди работников библиотек в сельской местности преобладали мужчины, в отличие от городов, где библиотекарями, как правило, работали женщины (табл. 2).

Таблица 2

Количество работников библиотек по полу сельской и городской местности в 1923 году

Уезды	Количество библиотекарей, совместно с учительской должностью		Количество библиотекарей, несовместно с учительской должностью	
	женщины	мужчины	женщины	мужчины
Публичные библиотеки	6	22	6	20
Прочие	1	5	0	2
Города	женщины	мужчины	женщины	мужчины
Публичные библиотеки	40	12	40	11
Прочие	6	6	46	17

Примечание. Источник: [20, л. 4].

На протяжении 1920 – 1930-х годов сельских женщин выдвигали на руководящую работу [21, л. 25]. Организовывались всебелорусские кустовые курсы женщин-председателей колхозов (по неполным данным, в 1933 году курсы охватывали 50 районов и 560 человек). За период 1932 – 1933 годов было выдвинуто: председателей РВК – 2 женщины, заместителей председателей – 4, председателей колхозов – до 100 человек, свыше 300 заместителей председателей колхозов товарными животноводческими фермами, 578 бригадиров и 600 заведующих колхозами товарных животноводческих ферм. Однако несмотря на это в некоторых районах, например, в Костюковичском, насчитывалось 35 сельсоветов, но женщин в них не было. В ряде районов женщины хоть и избирались в правления колхозов, но с их мнением никто не считался, а их голоса использовались только при решении спорных вопросов. Несмотря на это, наблюдались и определенные достижения, например, если в 1932 году в Сенненском, Копыльском, Столинском районах не было ни одной женщины председателя колхоза, то уже в 1933 году в Сенненском – 9, Копыльском, Столинском – 4. Отмечается, что выдвинутые женщины оправдывают себя [21, л. 25, 29, 55]. Незначительное количество сельчанок среди секретарей сельсоветов, например, в 1933 году из 1 368 было только 15 женщин. Отмечалось, что в 1934 году выдвижение сельских женщин на руководящую работу поставлено слабо, есть факты самовольного занижения процента на управленческую работу, часто отсутствует помощь и инструктаж, поставленным на должность женщинам, есть случаи увольнения женщин без всяких поводов. Часто крестьянки сопротивлялись собственному выдвижению [11, л. 19]. По переписи 1939 года в БССР председателями и заместителями председателей были 4,5 % женщин; председателями и заместителями председателей колхозов – 2 %; заведующими колхозными товарными фермами – 11 %; бригадирами полевых бригад – 2,1 %; бригадирами-животноводцами – 5 %; заведующими хатами-лабораториями, селекционерами, яровизаторами – 15,5 %; бригадирами тракторных бригад – 5,6 % [15, с. 198 – 199].

После окончания Великой Отечественной войны западные области БССР, которые до 1939 года входили в состав Польши, стали объектом пристального внимания руководящих партийных органов. С 1949 года здесь начинают создаваться колхозы. Поэтому с этого года большое внимание уделяется не только вопросу организации и хозяйственного укрепления колхозов, но и усилению политического воспитания женщин-колхозниц, прививанию чувства социалистического отношения к труду [22, 18 – 19]. Втягивание женщин в колхозы в Западных областях проходило нелегко. Например, в Мостовском районе в 1951 году 50 % крестьянок не участвовали в колхозном производстве. Иногда встречалось слишком много трудодней [23, л. 70, 74, 25, л. 144]. Также некоторые проблемы были с обеспечением сельского населения детскими учреждениями. Контрольные цифры по открытию сезонных яслей и детских садов часто

были далеки от реальности, кроме того чаще всего они открывались только в районных центрах и охватывали небольшие группы – от 20 до 40 детей [26, л. 145, 27, л. 8].

В архивных документах за вторую половину 1940 – начало 1950-х годов отмечалось, что «особенно неблагоприятно с выдвижением женщин на руководящую колхозную работу». Часто женщин, которые, как правило, не были специально подготовлены, просто назначали сверху на ту или иную работу, а на местах помощи не оказывали, а нередко наоборот старались создать нетерпимую обстановку, всячески опорочить, поэтому их быстро освобождали от должности с формулировкой «не справившаяся с работой», или как скомпрометировавшей себя [28, л. 44]. Например, в Гресском райкоме партии работало четыре женщины, однако за один месяц их всех сняли с занимаемых должностей. В Несвижском районе в колхозе «Новая жизнь» бригадира полеводческой бригады освободили от работы, предложив ей написать заявление об уходе «по семейным обстоятельствам», несмотря на то, что она прилагала много усилий в работе. Уже с первых дней начали вести разговор, что бригадир не справляется со своими обязанностями. В Заславльском районе женщину уволили за то, что у неё был маленький ребёнок, по мнению председателя райисполкома, имея ребёнка, нельзя быть полноценным работником [29, л. 69 – 70]. В отчете за 1948 год отмечалось, что в ряде районов Полоцкой области (Браславский, Видзовский, Глубокский, Плиский, Миорский и др.) нет ни одной женщины председателя сельсовета, председателей колхоза и сельпо; отсутствуют ясли и детские сады даже в райцентре, что тормозит привлечение женщин к работе [30, л. 276]. По Полоцкой области в 1948 году из 688 председателей колхозов было 9 женщин, из 227 председателей сельсоветов – 4 женщины, председателей сельпо – 5. На руководящих должностях в сельском хозяйстве и заготовительных органах не было ни одной женщины, в советских органах из 69 работников, входящих в номенклатуру райкома партии, – 17 женщин [30, л. 276 – 278]. В Минской области в сельских районах в 1954 году на должностях номенклатуры было только 4 % женщин, среди председателей сельсоветов – 18 %. Из 380 председателей сельхозартелей женщин по Минской области было в 1954 году 1,9 %, и количество их уменьшилось (в 1953 году – 3,9 %) [24, л. 71 – 73]. Также мало женщин выдвигалось на низкую руководящую колхозную работу в качестве бригадиров полеводческих бригад, заведующих животноводческих ферм. Объяснялось это тем, что местные райкомы КПБ «пренебрежительно относятся к выдвижению женщин на руководящую работу». Однако в целом, как говорилось в документах, за начало 1950-х годов ситуация с выдвижением крестьянки на руководящие должности улучшилась по сравнению с предыдущими годами, и в большинстве случаев женщины оправдывают себя на руководящих должностях [25, л. 74].

В послевоенные годы продолжается дальнейшее стирание традиционной роли женщины – «хранительницы домашнего очага». К 1950 году женщины составили 45 % всех занятых в народном хозяйстве, что было на 5 % больше, чем в 1940 году [31, с. 136]. Этому в определенной мере способствовала диспропорция между мужским и женским населением, что было связано с преобладанием в структуре людских потерь мужчин за период Великой Отечественной войны. Особенно тяжелыми для сельских женщин стали первые послевоенные годы. У них была двойная нагрузка (общественное хозяйство и дом), усиливающаяся работой в приусадебном хозяйстве. Беременные и больные выходили на тяжёлые работы даже с высокой температурой. Женщинам приходилось из-за нехватки техники, лошадей, мужских рук самим впрягаться в плуг, борону, чтобы обработать землю и вырастить урожай. Крестьянки выполняли вредные для здоровья работы, которые до войны считались «мужскими»: они рассеивали на полях минеральные туки и гербициды, в том числе дуст, копали на болоте торф, затем вывозили его на поля, стоговали сено, скирдовали солому и др. [32, с. 230; 33, с. 68 – 69]. Труд в колхозе фактически не оплачивался. На 1 января 1948 года 94 % колхозников вообще не получили денежной оплаты за выработанные трудодни. Только с 1966 года колхозы стали переходить к гарантированной оплате труда. Приусадебное хозяйство являлось основным источником доходов семей колхозников [33, с. 60].

Анализируя данные переписи 1959 года о занятости населения в сельском хозяйстве, можно сделать вывод о том, что несмотря на старания партийных идеологов так называемые «мужские» работы не получили широкого распространения среди женщин. Например, в 1959 году в БССР не было ни одной женщины среди водителей и машинистов на сельскохозяйственных машинах, также женщины составляли меньшинство среди трактористов и комбайнёров – всего 1 %, конюхов – 1 %, пастухов, гуртоправов, чабанов – 12 % и др. [22, с. 99 – 100]. Преобладали женщины среди доярок – 99,6 %, свинок – 97 %, птицеводов – 96 %, среди звеньевых – 96 %, работников в растениеводстве и кормодобывании – 81 %, которые считались традиционно «женскими» [22, с. 100].

Определенные изменения произошли в занятости среди работников образования. Если в довоенный период учителями сельских неполных и полных семилетних школ были в основном мужчины, то в послевоенный период как в сельской, так и городской местности в этой сфере стали преобладающими женщины (табл. 3). Однако в администрации школ преобладали мужчины, за исключением заведующих начальными школами. В городах преобладание мужчин среди школьной администрации наблюдалось только среди директоров. В конце 1950-х годов среди администрации сельских школ чаще были женщины. Так, среди заведующих учебной частью семилетних школ было 43 % женщин; заведующих учебной частью семилетних школ – 32 %; директоров семилетних школ – 12 %; директоров средних школ – 10 % [35, л. 56 – 57]. Также среди заведующих библиотеками и библиотекарёй (86 % от всех работников); за-

ведущих избами-читальнями, клубами, домами культуры и прочих работников культуры (83 %) в сельской местности преобладающими стали женщины [36, л. 31].

Таблица 3

Сведения о работниках учреждений народного образования на 1945/1946 учебный год по сельской и городской местности БССР

Тип местности	Сельская местность		Городская местность	
	всего	из них женщин	всего	из них женщин
Сведения о работниках				
Всего учителей начальных, семилетних и средних школ	26 145	19 588	6397	4838
Заведующие начальными школами	8943	612	86	54
Заведующие семилетними школами	1296	739	121	71
Заведующие средними школами	140	46	233	121
Директора семилетних школ	1516	398	120	36
Директора средних школ	131	26	203	42

Примечание. Источник: [34, л. 59 – 60].

Как и в довоенный период, среди руководителей в сельскохозяйственном производстве женщин было меньшинство. Так, по переписи 1959 года в БССР среди заведующих животноводческими, звероводческими, птицеводческими фермами было 13 % женщин, бригадиров полеводческих бригад – 3 %, бригадиров животноводческих бригад – 18 %, прочие бригадиры в сельском хозяйстве – 12 %. Ни одной женщины не было среди бригадиров комплексных и тракторных бригад [22, с. 100].

Среди специалистов в совхозах и подсобных сельхозпредприятиях в 1960 году было: старшие инженеры и инженеры всех наименований – 5,1 % женщин от общего количества работников; техников – 6,2 %; главных старших бухгалтеров – 16,5 %; экономистов-плановиков – 75 %; не было ни одной женщины среди инженеров-экономистов; инспекторов, контролёров, ревизоров и юристов. Для сравнения, на промышленных предприятиях среди специалистов данной категории было: старшие инженеры и инженеры всех наименований – 35,2 % женщин от общего количества работников; техников – 39,8 %; главных старших бухгалтеров – 57,6 %; экономистов-плановиков – 69,9 %; инженеров-экономистов – 79,1 %; юристов – 43,8 %; также не было ни одной женщины среди инспекторов, контролёров, ревизоров [37, л. 11].

Важным этапом в жизни как сельских, так и городских женщин стали 1970 – 1980-е годы. Если по переписи 1959 года мужчин, занятых умственным трудом, в сельской местности было больше, чем женщин (они составляли 9,1 % от общего числа занятых, сельчанки – 6,9 %), то согласно переписи 1970 года – 14,6 % женщин и 11,8 % мужчин [23, с. 98; 38, с. 30]. Преобладание женщин в группе людей, занятых умственным трудом, объясняется прежде всего тем, что они имели гораздо меньше возможностей заниматься квалифицированным физическим трудом. Кроме того, низкий уровень оплаты труда специалистов (с середины 1970-х годов зарплата рабочих в СССР впервые превысила зарплату специалистов) не способствовал получению высшего образования мужчинами. Таким образом, женщины были вытеснены в сферу деятельности, ставшую низкооплачиваемой, а следовательно и менее престижной. Советские исследователи объясняют предпочтение женщин сферы услуг, торговли, образования и здравоохранения необходимостью совмещать работу на общественном производстве с ведением хозяйства и воспитанием детей, а в этих сферах более благоприятен распорядок дня и др. [40, с. 149].

Снижается доля женщин в колхозном производстве: в 1970 году 55 %, в 1974 – 52 %, в 1986 – 43 % [23, с. 19]. Этому способствовала интенсивная миграция молодых женщин в города, вызванная различными причинами, усилившаяся в 1970-е годы (до 1970 года колхозникам не выдавали паспорт без разрешения председателя, за 1976 – 1981 годы была проведена полная паспортизация). Если в предыдущий период среди мигрантов преобладало мужское население, то согласно переписи 1970 года стали преобладать женщины [41, с. 90]. При этом девушки, уехав из села, туда, как правило, больше не возвращались, в то время как часть мигрировавших мужчин приезжала обратно. Переход в 1970-е годы сельскохозяйственного производства на интенсивную основу способствовал значительному уменьшению количества рабочих мест, на которых может быть использован труд женщин. Основная масса женщин была занята ручным неквалифицированным трудом [41, с. 145]. Кроме того, заработная плата женщин в колхозах и совхозах были ниже, чем мужчин, которые, как правило, были заняты на механизированном производстве, а женщины – неквалифицированным трудом. В 1970 году зарплата сельскохозяйственного рабочего составляла только 75 % оплаты промышленного рабочего. А в последующие годы (1970 – 1985) доля зарплаты в аграрном секторе составляла только 17,4 %. По мнению Н.Е. Лихачёва, сам земледельческий труд потерял значение самоценности образа жизни, а слово «колхозник» приобрело нарицательное полупрезрительное значение, характеризующее малообразованного и недостаточно культурного человека, что побуждало молодых девушек избавиться от этого клейма и переехать в город [42, с. 139]. В «Справке о мерах по неотложному решению проблем села в республике» за 1980 год, отмечалось, что выпускники сельских школ не могут на равных конкурировать с городской молодёжью. А для той части вы-

пунктников, которые остаются работать в хозяйстве, не создаются надлежащие условия труда, профессионального роста. В результате отток молодежи из села продолжается. Проблема обостряется и тем, что не решаются вопросы трудоустройства в сельскохозяйственное производство девушек. Узкий круг специальностей, по которым они могут работать, приводит к массовому их выезду из сельской местности [43, л. 28]. В итоге к концу 1980-х село стало испытывать острый дефицит трудовых ресурсов, особенно в восточной части Беларуси, где ещё одной причиной миграции стала катастрофа на Чернобыльской АЭС.

Существовало определённое разделение труда между управленцами мужчинами и женщинами. Оно выражалось, в частности, в том, что мужчины преобладали среди руководящих работников, а женщины занимали менее ответственные посты. Об этом свидетельствуют и данные исследований, проводившихся в сельской местности различных регионов Беларуси в 1980-е годы. На должности председателя колхоза и директоров совхозов женщина была редкостью [40, с. 37]. Преобладание мужчин на руководящих постах частично объясняется ещё сохраняющимися традиционными взглядами на женщину, согласно которым она не способна руководить большим коллективом людей, управлять сложными производственными процессами. Определённую роль здесь играет и загруженность женщины домашним трудом, работой в подсобном хозяйстве.

За советский период несколько поменялось распределение руководящих кадров в сфере образования в сельской местности. Так, по статистическим данным за 1988 год женщины составляли преобладающее большинство среди заведующих всеми типами школ (78 – 86 %), а также среди директоров начальных школ (92 %), увеличился их процент среди директоров неполных средних (40 %) и средних школ (28 %) [39, л. 7].

За последние 20 лет произошло снижение удельного веса занятых в сельском хозяйстве республики с 17,4 % занятого населения в экономике в 1990 году до 9,4 % в 2008 году в силу различных причин [45, с. 22]. Снижается и доля студентов, выбирающих сельскохозяйственный профиль (в 1990 году – 4,9 %, в 2005 – 3,7 %) [33, с. 155; 42, с. 137]. Труд в сельскохозяйственной области не является привлекательным и по уровню заработной платы. В 2001 году среднемесячная заработная плата в отрасли для женщин составляла 112,4 тыс. руб., а для мужчин – 116,0 тыс. руб. [45, с. 89]. Несмотря на то, что в последнее время наблюдается тенденция роста долевого уровня зарплаты, сокращается гендерная дифференциация в оплате труда. В 2009 году среднемесячная заработная плата женщин в сельском хозяйстве составила 703,4 тыс. руб., мужчин – 650,4 тыс. руб. В 2009 году заработная плата женщин в сельском хозяйстве составила 98,4 % от средней заработной платы мужчин [46, с. 165]. Однако, как и прежде, она является самой низкой по отношению к зарплате в других отраслях экономики. Например, среднемесячная заработная плата женщин, работающих в сфере промышленности, в том же году составляла 1371,3 тыс. руб. [46, с. 165]. Современные средства массовой информации, родственники, проживающие в городах, элементы рыночных отношений и другие факторы также оказывают определенное влияние на взаимоотношения и поведенческие установки сельчан. Изменяется сельский уклад жизни, формируются более высокие запросы к содержанию труда, бытовому комфорту и социокультурным условиям. Согласно данным опроса сельских жителей, проведенного Н.Е. Лихачёвым в Могилёвской области в 2005 году, на вопрос: «Хотите ли Вы, чтобы Ваши дети работали в сельском хозяйстве?», только 12,8 % ответил положительно, 85,5 % – отрицательно [42, с. 138]. За последнее время отношение сельчан вряд ли поменялось, о чем свидетельствуют изложенные выше статистические данные о постоянном уменьшении количества занятых в сельском хозяйстве.

Распределение работников сельского хозяйства по полу в республике показывает, что в структуре преобладают мужчины. Например, в 2005 году женщины составили 45,7 % работающих в данной отрасли, а в 2009 году – 40,9 % [47, с. 141]. Как отмечают исследователи, кадровая структура сельскохозяйственного производства сформировалась таким образом, что она требует более значительного участия мужчин, следовательно, спрос на женскую рабочую силу снижается при ограниченных на селе возможностях трудоустройства в другие сферы [33, с. 234; 42, с. 138]. Кроме того в обществе установились определенные гендерные стереотипы, в соответствии с которыми различаются традиционно мужские и женские профессии, должности, сферы деятельности [45, с. 30]. Профессия механизатора для мужчин считается более престижной, чем традиционно женская отрасль – животноводство с низким уровнем механизации и тяжёлым физическим трудом.

Продолжается процесс увеличения количества служащих среди женщин. Например, в сфере сельского хозяйства, наблюдается процесс уменьшения количества рабочих среди женщин (в 1999 г. – 78 % женщин, в 2008 – 74,1 %) при одновременном увеличении общей численности служащих женщин (в 1999 году – 18,3 % женщин, в 2008 – 19,2 %) [47, с. 51, 55]. При этом женщины преобладали среди служащих (в 1999 – 18,3 % женщин и 7 % мужчин, в 2008 – соответственно 19,2 и 6,6 %), среди рабочих в 1999 году мужчины составили 78 %, женщины – 89,4 %; в 2008 году – соответственно 74,5 и 87,3 % [47, с. 54, с. 51].

Значительная часть женского сельского населения работает в сфере образования, культуры, медицины, обслуживания, торговли и др. Как считает И.Р. Чикалова, женщины, вынужденные соглашаться на плохо оплачиваемую, но интеллигентную работу, не только осознали ценность профессионализма на основе высшего образования, но и выиграли, обеспечив в перспективе повышение своего статуса на рынке труда [44, с. 58].

Положительным моментом можно назвать то, что в целом женское сельское население преимущественно занято квалифицированным трудом, например, по переписи 1999 года женщины составляют большинство среди всех специалистов среднего уровня (69 %), квалифицированных работников сельского хозяйства (55 %) и меньшинство среди всех неквалифицированных работников (44 %) [49, с. 9]. Превалируют

женщины и среди специалистов высшего уровня квалификации, при этом количество их постоянно увеличивается. Так, по переписи 1999 года среди женщин их было 15,5 %, а среди мужчин – 5,2 %; в 2009 году соответственно 80 и 20 % [46, с. 120; 47, с. 162]. Однако, как отмечают белорусские экономисты Э.М. Калицкий и Ю.М. Кричевский, свой профессиональный потенциал женщины, как правило, реализуют в тех отраслях, где уровень оплаты более низкий, работают по профессиям, которые требуют скорее исполнительных навыков, с небольшими возможностями продвижения по службе, что не привлекает мужчин [48, с. 6].

В сельской местности среди руководителей и главных специалистов большинство – женщины, в городе в этой сфере преобладают мужчины. При этом их количество увеличивается. Например, в 2005 году среди руководителей органов власти и управления всех уровней, включая руководителей учреждений, организаций и предприятий было 66,9 % женщин и 33,1 % мужчин. В 2009 году – 68,3 % женщин и 31,7 % мужчин [47, с. 162]. Согласно переписи 1999 года сельские женщины преобладали (55 %) среди общего количества руководителей учреждений, организаций и предприятий и их структурных подразделений (служб), однако несмотря на достаточно широкое представительство среди представителей органов власти и управления женщин несколько меньше (40 %), чем мужчин [49, с. 1].

Уменьшение реальной заработной платы работников образования привело к оттоку из них части мужчин. Поэтому с каждым годом увеличивалось количество женщин как сельских, так и городских, среди руководителей всех типов общеобразовательных школ. А с 2005 года сельские женщины стали преобладать среди директоров как начальных (94 %), так и базовых (60 %), и средних школ, включая гимназии, лицеи, учебные комплексы (51 %) [50, л. 19].

В результате проведённого анкетирования в сельской местности в различных регионах Беларуси в 2009 – 2010 годах на вопрос: «Можно ли утверждать, что установилось равноправие между мужчиной и женщиной во всех сферах жизни общества?», были даны следующие ответы: «Да, но не во всех сферах» – ответили 57,6 % женщин; «Да, в полной мере» (35,7 %); ответили «нет» лишь 6,7 %. Среди негативных моментов женщинами были названы предвзятое отношение работодателей при устройстве на работу, более низкая заработная плата в сравнении с оплатой труда мужчин и т.п.; наиболее распространённым был ответ перегруженность женщин: «Многие ранее бывшие мужскими сферы легли на плечи женщин» [51].

Заключение. На протяжении обозначенного периода происходит трансформация профессиональной занятости сельских женщин. Занятость крестьянки в традиционном белорусском обществе начала XX века чаще всего ограничивалась внутрисемейной загруженностью. Отходничество в Беларуси не получило среди женщин широкого распространения. Главной общественной ролью женщины была роль «хранительницы домашнего очага. Во второй половине 1920-х – 1930-е годы в связи с коллективизацией сельчанки активно привлекаются в общественное производство, были заложены основы для перехода к новому социальному статусу сельских женщин. Советские идеологи пытаются активно привлечь женщин в так называемые «мужские» сферы деятельности, однако данные мероприятия ни в данный период, ни в более поздний успехом не имели. За годы войны женщины освоили «мужские» профессии, стали активными участниками общественного производства. Несмотря на это в послевоенные десятилетия и в более поздний, советский, период женский труд был малоквалифицированным и малооплачиваемым, применялся в основном в ставших традиционно «женскими» отраслях сельского хозяйства – животноводстве, птицеводстве, растениеводстве. В 1970 – 1980-е годы были сформированы основные тенденции в занятости сельских женщин как положительные, так и отрицательные, характерные и для постсоветского времени. Среди положительных – феминизация сфер умственного труда. Негативным моментом было уменьшение количества женщин, занятых в сельскохозяйственном производстве, уменьшение рабочих мест в данной сфере, на которых может быть использован труд женщин, чему способствовал переход сельского хозяйства в 1970-е годы на интенсивную основу. Основная масса женщин была занята ручным неквалифицированным трудом. В постсоветское время сельские женщины стали составлять большинство среди специалистов высшей, средней квалификации и квалифицированных рабочих в различных отраслях. Однако профессиональный потенциал женщины, как правило, реализуют в тех отраслях, где уровень оплаты более низкий, работают по профессиям, которые требуют скорее исполнительных навыков, с небольшими возможностями продвижения по службе. Продолжает уменьшаться количество женщин, занятых в сельском хозяйстве, так как за советское и постсоветское время сельскохозяйственные профессии утратили свою престижность для сельчанок. Большинство женщин в сельской местности среди руководителей и главных специалистов, в отличие от городских женщин, так как в городе в этой сфере преобладают мужчины. Женщины преобладают среди общего количества руководителей учреждений, организаций и предприятий и их структурных подразделений. Государством осуществляется гендерная политика, способствующая ликвидации негативных моментов в положении женщины и ведущая к установлению равенства между мужчиной и женщиной во всех сферах жизни общества: увеличивается количество женщин в управленческом аппарате, постепенно преодолевается разница в оплате женского и мужского труда и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сербов, И.А. Белорусы-сакуны: краткий этнографический очерк / И.А. Сербов. – Петроград: Тип. Акад. наук, 1915. – 180 с.
2. Протоколы конференций, собраний женотдела Клинецовского уома РКП(б) // Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО). – Фонд 1. – Оп. 1. – Д. 1721. – Л. 35.
3. Протоколы партийных собраний, отчеты женотдела о работе среди женщин Почепского уома РКП(б) // ГАООГО. – Фонд 1. – Оп. 1. – Д. 1739. – Л. 5.
4. Материалы по обследованию среди работниц и колхозниц // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 4п. – Оп. 1. – Д. 6088. – Л. 9, 45.
5. Циркулярные письма губкома // ГАООГО. – Фонд 2. – Оп. 1. – Д. 251. – Л. 7.
6. Переписка о работе среди женщин женотдела ЦК КП(б)Б отделом работниц и крестьянок ЦК ВКП(б) // НАРБ. – Фонд 4п. – Оп. 1. – Д. 2908. – Л. 2, 4, 5, 6, 21.
7. Положение о делегатских собраниях // НАРБ. – Фонд 4п. – Оп. 1. – Д. 4745. – Л. 201.
8. Документы XII съезда КП(б)Б (протоколы, резолюции, стенограммы, приветствия и др.) // НАРБ. – Фонд 4п. – Оп. 1. – Д. 4745. – Л. 73, 194.
9. Отчёт ЦК КП(б)Б и материалы к отчёту // НАРБ. – Фонд 4п. – Оп. 1. – Д. 2009. – Л. 199.
10. Докладные записки и другие материалы о состоянии работы среди женщин в Беларуси и др. // НАРБ. – Фонд 4п. – Оп. 1. – Д. 6078. – Л. 17, 31.
11. Материалы по обследованию работы среди женщин-работниц и колхозниц // НАРБ. – Фонд 4п. – Оп. 1. – Д. 6088. – Л. 16, 17, 31, 70, 127.
12. Постановление секретариата ЦК КП(б)Б о проведении делегатских собраний на предприятиях БССР, протоколы районного слёта колхозниц-ударниц Оршанского района, докладные записки о массово-политической работе среди женщин города и деревни // НАРБ. – Фонд 4п. – Оп. 1. – Д. 6064. – Л. 53.
13. Отчёты о работе Польбюро, главного бюро Евсекции и женотдела ЦК КП(б)Б // НАРБ. – Фонд 4п. – Оп. 1. – Д. 2205. – Л. 142 – 143, 171, 174, 176, 181 – 185.
14. Протоколы окружного совещания райженотделов, тезисы для докладов на совещания и др. // НАРБ. – Фонд 4п. – Оп. 1. – Д. 2914. – Л. 89.
15. Всесоюзная перепись 1939 года. – М.: Статистика, 1992. – 198 с.
16. Агитационно-массовый отдел. Докладная записка агитационно-массового отдела ЦК КП(б)Б в ЦК ВКП(б) об итогах проведения Международного женского дня 8 марта, постановление РК КП(б)Б о перевыборах делегатских собраний, планы работы агитационно-массового отдела и женсектора КП(б)Б // НАРБ. – Фонд 4п. – Оп. 1. – Д. 5435. – Л. 106 – 107.
17. Материалы женских делегатских пунктов (постановления, планы, списки и др.) // НАРБ. – Фонд 4п. – Оп. 1. – Д. 5436. – Л. 19.
18. Циркуляры ЦК КП(б)Б, протоколы окружных женорганизаторов // НАРБ. – Фонд 4п. – Оп. 1. – Д. 5434. – Л. 27.
19. Сведения о школах по Белоруссии по переписи 1921 года // НАРБ. – Фонд 30. – Оп. 1. – Д. 3285. – Л. 18.
20. Сведения о школах, высших учебных заведениях, театрах, кино, библиотеках и избах-читальнях по Белоруссии за 1923 год // НАРБ. – Фонд 30. – Оп. 1. – Д. 3372. – Л. 2, 4.
21. Докладные записки и другие материалы о состоянии работы среди женщин в Беларуси и др. // НАРБ. – Фонд 4п. – Оп. 1. – Д. 6078. – Л. 25, 29, 55.
22. Новицкий, В. Женщины Беларуси в исторической ретроспективе / В. Новицкий, И. Чикалова // Женщины Беларуси в зеркале эпохи. Национальный отчёт. – Минск: ПРООН, 1997. – С. 12 – 25.
23. Всесоюзная перепись населения 1959 года: Основные итоги / под ред. Ю.А. Полякова. – М.: Наука, 1992. – 158 с.
24. Докладные обкомов и райкомом КП(б)Б по вопросам агитационно-массовой работы среди населения // НАРБ. – Фонд 4п. – Оп. 47. – Д. 382. – Л. 70 – 74.
25. Докладные о состоянии массово-политической работы среди населения // НАРБ. – Фонд 4п. – Оп. 47. – Д. 172. – Л. 74, 144.
26. Докладные инструкции ЦК, обкомов КП(б)Б о массово-политической работе в республике, о работе с агитаторами и др. // НАРБ. – Фонд 4п. – Оп. 47. – Д. 278. – Л. 145.
27. Протоколы заседания Бюро ЦК КП(б)Б № 3. По мероприятиям по улучшению охраны материнства и детства // НАРБ. – Фонд 4п. – Оп. 47. – Д. 355. – Л. 8.
28. Докладные и справки отдела и обкомов ЦК КП(б)Б о работе подгрупп и массово-политической работе среди населения // НАРБ. – Фонд 1. – Оп. 2. – Д. 98. – Л. 44.
29. Протоколы № 14, 15. Заседания секретариата ЦК КП(б)Б // НАРБ. – Фонд 4п. – Оп. 94. – Д. 96. – Л. 69 – 70.
30. Докладные, справки и информации обкомов КП(б)Б об агитационно-пропагандистской массовой работе // НАРБ. – Фонд 47. – Оп. 1. – Д. 129. – Л. 276 – 278.

31. Грамадскі быт і культура сельскага насельніцтва Беларусі / В.К. Бандарчык [і інш.]; АН Беларусі Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору; пад агул. рэд. В.К. Бандарчыка. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – 256 с.
32. Белорусы / под общ. ред. В.К. Бондарчика; НАН Беларуси ИИЭФ. – М.: Наука, 1998. – 503 с.
33. Лыч, Г.М. Трагедія беларускага сялянства / Г.М. Лыч. – Мінск: Выд-ва МПК, 2003. – 272 с.
34. Сведения о работниках начальных, семилетних и средних школах, о работниках культурно-просветительских учреждений при СНК БССР (по республике и областям на 1945/1946 учебный год) // НАРБ. – Фонд 30. – Оп. 5. – Д. 477. – Л. 59 – 60.
35. Сводные отчёты по начальным, семилетним и средним школам на начало 1957/1958 учебного года по БССР (формы: 76А, 76Б, 77, 83, Д-6, Д-7, Д-8, Д-9) // НАРБ. – Фонд 30. – Оп. 5. – Д. 5729б. – Л. 56 – 57.
36. Сведения о работниках начальных, семилетних и средних школах по БССР и областям // НАРБ. – Фонд 30. – Оп. 5. – Д. 161. – Л. 31.
37. Экономические записки УСУ БССР (предоставляемые местным руководящим органам) по статистике населения и здравоохранения // НАРБ. – Фонд 30. – Оп. 5. – Д. 7160. – Л. 11.
38. Численность, размещение, возрастная структура, уровень образования, национальный состав, языки и источники средств существования населения СССР: по данным Всесоюз. переписи населения 1970 г. / ЦСУ при Совете Министров СССР. – М.: Статистика, 1971. – 34 с.
39. Сводные отчёты министерства, областных отделов народного образования о численности и составе педагогических работников начальных, неполных средних и средних школ за 1988 год (Форма № 83-рик) // НАРБ. – Фонд 498. – Оп. 1. – Д. 192. – Л. 7, 28.
40. Демографическое развитие и трудовые ресурсы БССР: Соц.-экон. пробл. / А.А. Раков [и др.]. – Минск: Наука и техника, 1988. – 192 с.
41. Панкратова, М.Г. Сельская женщина в СССР / М.Г. Панкратова. – М.: Мысль, 1990. – 190 с.
42. Лихачев, Н.Е. Состояние и перспективы кадровой подготовки специалистов агропромышленного комплекса / Н.Е. Лихачев // Социальные проблемы современного села в экономическом и социологическом измерении: сб. науч. ст. междунар. науч.-практ. конф., г. Горки, 4 – 6 окт. 2007 г.; редкол.: А.Р. Цыганов (отв. ред.) [и др.]. – С. 136 – 140.
43. Справки, информации, докладные записки ЦК КПБ, Верховного совета СМ БССР по основной деятельности // НАРБ. – Фонд 498. – Оп. 1. – Д. 193. – Л. 28.
44. Чикалова, И.Р. Гендерная система (пост)советской Беларуси: воспроизводство и трансформация социальных ролей в публичной и приватной сфере / И.Р. Чикалова // Российские и славянские исследования: сб. науч. ст.; БГУ. – 2009. – С. 51 – 66.
45. Маркусенко, Л.Н. Оценка занятости в сельском хозяйстве Беларуси / Л.Н. Маркусенко, О.А. Пашкевич, Н.А. Пашкевич // Экономический бюл. Науч.-исслед. экономического ин-та М-ва экономики Респ. Беларусь. – 2010. – № 6. – С. 22 – 33.
46. Женщины и мужчины Республики Беларусь: стат. сб. / под ред. Г.И. Гасюк. – Минск: М-во статистики и анализа Респ. Беларусь, 2001. – 133 с.
47. Женщины и мужчины Республики Беларусь: стат. сб. / председатель редкол. Е.И. Кухаревич. – Минск: М-во статистики и анализа Респ. Беларусь, 2010. – 204 с.
48. Калицкий, Э.М. Новая квалификационная структура специалистов и перспективы развития профессионального образования / Э.М. Калицкий, Ю.И. Кричевский. – Минск: РИПО, 1996. – 20 с.
49. Занятое население по занятиям и статусу в занятости. Итоги переписи населения Республики Беларусь, 1999 г. (сельское население, таб. 30). – Минск: М-во статистики и анализа Респ. Беларусь, 2001. – 101 с.
50. Сводные отчёты информстата областных и Минского городского управления статистики, М-ва образования Респ. Беларусь об общеобразовательных школах на начало 2004/2005 учебного года (Ф 1КШ) // Центр по подготовке и изданию статистической информации для органов государственного управления; М-во статистики и анализа Респ. Беларусь. – Д17-25. – Л.19.
51. Архив Ин-та искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы Нац. акад. наук Беларуси. – Фонд 6. – Оп. 14. – Д. 147.

Поступила 16.06.2011

TRANSFORMATION OF EMPLOYMENT OF RURAL WOMAN IN A SOCIAL PRODUCTION IN BELARUS IN THE XX – BEGINNING XXI CENTURY

I. LAVRINOVSKAY

On the basis of extensive factual material – archival documents of the National Archives of the Republic of Belarus and the State Archive of Public Associations of the Gomel region, statistics, data from a survey of women living in rural areas, Gomel, Grodno, Vitebsk and Mogilev reg.) conducted by the author in 2009 – 2010, etc., is con-

sidered the transformation of professional employment for rural women in Belarus during the XX – XXI centuries. The changes in the employment of rural women in Belarus in the pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet periods are analysed. The basic trends of the employment of women in Belarus in agriculture and other industries economy are shown. The factors which influenced the transformation of professional employment rural woman are.